Сергей Афонин

Метка - Том 1

Сергей Афонин
Метка - Том 1

https://litres.ru/74861294
SelfPub; 2026

Аннотация

Пожар в торговом центре должен был закончиться обычной эвакуацией и рапортом. Но спасатель Тимур Гареев видит у эскалатора очередь существ, которые пересчитывают людей. Один человек исчезает, а сам Тимур получает странную Метку, открывающую ему город в двух слоях.

Следы пропавшего ведут в мир, о существовании которого официальные службы предпочитают молчать. Здесь есть разумные духи, скрытые территории, особые способности и сделки, способные изменить привычную реальность.

Тимур не собирался становиться охотником или героем. Он привык вытаскивать людей из беды. Но теперь ему предстоит разобраться, кто ведёт счёт человеческим жизням и кому принадлежит земля, на которой стоит его город.

Содержание

1. Двенадцатый 4
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Сергей Афонин
Метка - Том 1

1. Двенадцатый

Пожар в торговом центре «Октава» у Московского вокзала начался в 2:40 по третьей кнопке — кто-то из ночных уборщиков успел набрать «112» и сказать в трубку только одно слово: «горит». Когда караул Гареева подошёл к главному входу, над галереей уже стоял ровный оранжевый свет, будто внутри здания кто-то включил второе солнце и забыл выключить.

— Третий этаж, кинотеатр и фуд-корт, — сказал дежурный по объекту, охранник с пустыми глазами. — Там люди. Ночной сеанс был. И персонал.

Тимур Гареев кивнул, не слушая дальше. Он вообще мало слушал на пожарах — он смотрел. Здание «Октавы» он знал: ставил здесь камеры три года назад, по подряду, помнил каждую лестничную клетку и каждый тупик, куда подрядчик велел «не лезть, там декоративная шахта». Шесть лет в отряде научили его главному: план здания — это единственная святая вещь на пожаре. Всё остальное врёт. Огонь врёт, дым врёт, крики врут. План — нет.

— Береговой, со мной. Остальные — рукав на второй,

держать лестницу. — Он стянул на запястье узел аварийного шнура, привычка, от которой его давно перестали подкалывать. — Работаем.

Внутри было жарко и тихо — неправильно тихо для такого огня. Галерея третьего этажа уходила в дым, как ватная труба, и где-то на полпути Тимур понял, что неправильность не только в тишине. Огонь горел не туда. Пламя лизало витрины слева, а дым тёк направо, против вентиляции, против здравого смысла, ровным серым ручьём у самого пола — как вода, нашедшая уклон, которого нет.

— Тим, ты видишь? — Береговой за его спиной поправил маску.

— Вижу дым. Иду по правой стене. Людей ищем, не дым.

Людей они нашли у фуд-корта, и это было второе, что Тимур запомнил на всю жизнь. Одиннадцать человек — он пересчитал автоматически, как пересчитывал всегда и везде: компания студентов, уборщица с тряпкой в руке, охранник, двое таксистов из круглосуточного кафе, мужчина в костюме с чемоданчиком, женщина с ребёнком лет пяти, и старик, который всё звал кого-то по имени Рита. Одиннадцать. Они жались к вывеске кофейни, потому что дальше, к эскалаторам, не шли — и Тимур понял почему, только когда поднял голову.

У эскалаторов стояла очередь.

Он потом долго подбирал слова и так и не подобрал. Это была очередь — в этом было самое страшное, самое бытовое,

самое непереводимое. Длинные фигуры, тонкие, как смазанные столбы света, стояли друг за другом вдоль эскалаторной линии, терпеливо, без суеты, и каждая наклонялась к чему-то невидимому и выпрямлялась, и делала шаг вперёд. Как на таможне. Как в кассу. И у Тимура, сквозь маску, сквозь жар, сквозь шесть лет службы, по спине прошёл холодный ручей: он понял, что они считают. Наклонились — отметили — шаг. Наклонились — отметили — шаг. Пересчитывали. Как багаж.

— Береговой, — сказал он очень ровно. — Сколько у нас людей?

— Одиннадцать, — Береговой уже считал, нутром спасателя. — Чего?

— Веди к лестнице «Б». По правой стене, шагом, не бегом. Я замыкаю.

— Тим—

— Веди.

Он не знал тогда, что делает. Потом, месяцами после, в бессонные часы, он будет убеждать себя, что поступил по уставу: группу ведёт второй номер, старший замыкает. Но правда была проще и хуже: он не мог увести этих одиннадцать мимо очереди, не встав между. Кто-то должен был встать между. Вся его жизнь до этой ночи была про это — встать между, — просто раньше между чем и людьми был огонь, вода, железо. Вещи, у которых нет очереди.

Он шёл последним, считая спины. Восемь. Девять. Де-

сять. Студентка в наушниках оглянулась, и он показал ей ладонью: вперёд, не смотри. Одиннадцать. Лестница «Б» была уже близко, Береговой светил туда фонарём, и серый ручей дыма у пола вдруг пошёл быстрее, как пойманный.

И тогда за ним раздался голос.

— Рита, — сказал старик.

Тимур обернулся. Старик — он был двенадцатым, он был двенадцатым все эти годы, сколько Тимур ни пересчитывал — стоял у эскалатора и смотрел в сторону очереди. Тимур не видел, когда тот отстал. Может, остановился поправить ботинок. Может, услышал то, чего не слышал Тимур. Одна из длинных фигур наклонилась к нему — вежливо, почти ласково, как наклоняются к ребёнку на перроне.

— Эй! — крикнул Тимур и пошёл на него. — Ко мне! Руку!

Старик обернулся — и лицо у него было спокойное, отсутствующее, как у человека, которого окликнули по имени в толпе. Фигура выпрямилась. Отметила. Шаг.

Тимур успел схватить старика за рукав. Рукав был тёплый, обычный, шерстяной — и в следующую секунду вся левая сторона мира, где стоял старик, сжалась, как стягивают мешок: воздух, свет, звук, дым — всё потекло в одну точку с визгом, который Тимур услышал не ушами, а зубами. Его швырнуло на колени. Что-то горячее и ровное, как струна, прошло через левую бровь. В руке остался рукав.

Только рукав.

Старика не было. Не было ни крика, ни падения, ни тела — не было самого факта, что здесь секунду назад стоял человек. Очередь у эскалатора сдвинулась на шаг, терпеливо, без спешки, и длинная фигура наклонилась уже к пустоте, где никого не было.

— Тимур! — Береговой дёрнул его за плечо, сильно, в полный рост. — Уходим! Уходим, брат, уходим!

Он помнил лестницу плохо. Помнил, что считал спины и их было десять, и это было неправильно, неправильно, неправильно — и на третьем пролёте он понял, что десять — это правильно, потому что одиннадцатая, женщина с ребёнком, шла впереди Берегового, а он считал от себя. Помнил холод улицы на лице. Помнил, что бровь кровила в глаз, и он думал не про боль, а про то, что порез ровный, как нитка. Помнил, как кричал куда-то в рацию: «Потеряли одного. Третий этаж, эскалатор. Потеряли одного», — и как начальник караула переспросил: «Как — потеряли?» — и у Тимура не нашлось слова. Не «погиб». Не «пропал». Потеряли. Как теряют багаж.

Рукав он так и не выпустил. Его разжали в машине, уже под утро.

К шести утра «Октава» выгорела наполовину, и официальная картина собралась быстро и гладко: возгорание в кинотеатре, задымление галереи, одиннадцать спасённых, один погибший — «предположительно, отравление продуктами горения, тело не обнаружено из-за обрушений». Обрушений

на третьем этаже не было, но Тимур ничего не сказал. Он сидел на борту машины, держал термос, не пил и смотрел, как над городом светлеет.

И тогда он увидел.

Это не было похоже ни на что из его шести лет. Над крышами, над вокзалом, над чёрными линиями проводов — поверх всего города, как второе небо, натянутое в полусогнутых руках от первого, — проступила плёнка. Огромная, небрежно-бытовая, как масляная плёнка на бульоне, и в ней, глубоко, плыли тени улиц — те же улицы, но пустые, и по ним шли фигуры. Мир подмигнул ему чужим миром, спокойно, без малейшего усилия, как подмигивает сосед через дорогу.

Тимур стоял, пока плёнка не стала прозрачной и обычной, как стекло, которое замечаешь, только когда знаешь, что оно есть. Потом он посмотрел на свою руку. На ключице, под разодранным воротом куртки, кожа темнела — не ожог, не синяк: ровная, аккуратная метка, похожая на след от печати на документе. Канцелярская. С чужим, очень чётким почерком.

Он приложил к ней ладонь, и пальцы левой руки — те, что держали рукав, — были холодные и немые, как чужие.

— Гареев! — окликнули его. — В отделение, на опрос. Ты чего застыл?

— Работаю, — сказал он по привычке. И пошёл, считая под ноги: шаг, два, три.

Одиннадцать он вывел. Двенадцатого пересчитали при нём, вежливо, по очереди, как пересчитывают то, что уже считается своим.

И где-то глубоко, под усталостью, под кровью в глазу, под ровной канцелярской меткой на ключице, Тимур Гареев знал уже тогда, утром, на борту машины: он вернётся за двенадцатым. Он просто ещё не знал, куда тот ушёл — и что отныне будет видеть дорогу.

В отделении его опрашивали дважды. Первый раз — следователь из обычных, усталый мужчина с галстуком, ослабленным на целый сантиметр ниже приличия. Второй — женщина без погон и без галстука, которая вошла, не представилась, села напротив и положила на стол диктофон, не включив его.

— Расскажите про очередь, — сказала она.

Тимур смотрел на неё и молчал. Он уже дал показания следователю: дым, паника, человек отстал, обрушения, тело не обнаружено. Ровная, съедобная ложь — половину её он даже сам почти съел к девяти утра. Но женщина сказала «очередь» — слово, которого не было ни в одном протоколе. Он его никому не говорил.

— Я ничего не говорил про очередь.

— Я знаю. — У неё были короткие волосы и перчатки, хотя в отделении топили так, что окна плакали. — Расскажите.

Он рассказал. Не всё — половину, как и следователю, но уже другую половину: про длинных, про терпеливых, про

«наклонились — отметили — шаг». Женщина слушала не перебивая, и на словах «как багаж на таможне» чуть качнула головой, как качают головой, услышав точное определение в чужом докладе.

— Сколько их было?

— Не знаю. Очередь. Двенадцать, двадцать. Они… двигались.

— Они всегда двигаются, — сказала она, как о погоде. — Вас коснулись?

Он не ответил, но она и не ждала — смотрела на его ключицу, туда, где ворот куртки не скрывал край метки. Потом поднялась.

— Гареев Тимур Рустемович, двадцать семь лет, сапёр, — сказала она диктофону, который так и не включила. — Рекомендация: наблюдение. — И уже ему, в дверях, не оборачиваясь: — Спите, пока получается, спасатель. Дальше будет труднее.

Она ушла, не оставив ни имени, ни номера, и дежурный по отделению потом долго клялся, что никакой женщины в перчатках тут не было. Тимур не спорил. Он смотрел в окно кабинета — на второй этаж, на пустой кабинет напротив, — и видел, как по стеклу, по стене, по дверному проёму стелется что-то вроде тонкого инея, который светится изнутри слабым серым светом. Иней никуда не девался, когда он моргал. Он просто был. Как плёнка над городом. Как очередь.

На улице, когда его отпустили под подписку о невыезде

— формальность, обрушения же, тело же, — он сделал то, чего не должен был делать: пошёл обратно к «Октаве». Пешком, через спящий вокзал, через объездную, мимо патрульных машин и оцепления.

Он хотел посмотреть на место, где стоял старик.

У эскалатора, за лентой, в сером свете третьего дня января, он стоял долго. Метка на ключице тянула тупой болью, как свежий шов, и в этой боли мир стоял двойной: обгоревшая галерея — и поверх неё, под ней, сквозь неё — та же галерея, но пустая, чистая, без пожара, с эскалаторами, которые шли вниз и вниз, дальше, чем кончалось здание. По чистой галерее кто-то прошёл недавно: на восковом полу оставались следы — не отпечатки, а истончения, места, где мир чуть вытерт, как вытертая краска на перилах. Следов было много. Очередь ушла вниз по эскалатору и растворилась в длинной, невозможной перспективе.

Но был ещё один след. Одинокий. Он не шёл вниз. Он уходил вбок, сквозь обгоревшую стену бутика, наружу, в город — аккуратный, цепкий, как стежок. И у этого следа был почерк: не хаос пожара, не бегство, а маршрут. Тимур шесть лет читал траектории — поисковики умеют читать то, что оставляют люди в беде. Это читалось легко, почти нагло: кто-то или что-то вышло из очереди до пересчёта — и ушло в город пешком, зная дорогу.

Кто-то привёл очередь сюда. И кто-то ушёл из неё раньше времени.

Тимур стоял у ленты, пока патрульный не окликнул его: «Гражданин, тут нельзя». Он поднял руки, отошёл, посл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.